

Революционная мораль и русский опыт: Маркс, Бакунин, Достоевский¹

(конференция по К. Марксу,
Стокгольм, 15–16 октября 2016 г.)

Ойттинен В., Александровский институт, Хельсинкский университет, Финляндия,
vesa.oittinen@helsinki.fi

Аннотация. В этой статье я попытаюсь дать оценку проблемам моральной теории в свете русского опыта Маркса и Энгельса. Под «русским опытом» я имею в виду серьезное и глубокое погружение Маркса во все, связанное с Россией, в тот период, который специалисты по Марксу и марксизму после 1990 г. называют «поздним Марксом», относя к нему его работы после публикации первого тома «Капитала». Россия представляла для позднего Маркса немалый интерес. Он начал учить русский язык и к 1870-му г. продвинулся настолько, что мог читать русскую литературу в оригинале. И вообще, Россия стала как бы пробным камнем для многого из того, что Маркс заявлял и доказывал; его переписка с Верой Засулич демонстрирует, что он был открыт для анализа новой проблематики, касающейся развития капитализма за пределами основной сферы его влияния в Западной Европе и Северной Америке.

Ключевые слова: Маркс, Энгельс, Бакунин, Нечаев, мораль, революция, террор, нигилизм

В этой статье я попытаюсь дать оценку проблемам моральной теории в свете русского опыта Маркса и Энгельса. Под «русским опытом» я имею в виду серьезное и глубокое погружение Маркса во все, связанное с Россией, в тот период, который специалисты по Марксу и марксизму после 1990 г. называют «поздним Марксом», относя к нему его работы после публикации первого тома «Капитала». Этот период охватывает последние пятнадцать лет жизни Маркса, примерно с 1870 по 1883 г. Россия тогда представляла для Маркса немалый интерес. Он начал учить русский язык и к 1870 г. продвинулся настолько, что мог читать русскую литературу в оригинале. И вообще, Россия стала как бы пробным камнем для многого из того, что Маркс заявлял и доказывал; его переписка с Верой Засулич демонстрирует, что он был открыт для анализа новой проблематики, касающейся развития капитализма за пределами основной сферы его влияния в Западной Европе и Северной Америке.

Однако вызовы, которые Россия бросала марксизму, не сводились лишь к экономическим или социальным теориям. В этой статье я попытаюсь показать, что проблемы моральной теории тоже сыграли роль «русского пробного камня» для материалистической концепции истории. Маркс (и Энгельс) не считали вопросы морали приоритетными в своей работе. Достаточно распространен взгляд, согласно которому марксизм времен Второго Интернационала заменил

¹ Ранняя версия этой статьи вышла на немецком в *Beiträge zur Marx-Engels Forschung/Neue Folge* 2012 (Berlin: Argument Verlag) и вызвала мощный «ответный огонь» со стороны приверженцев Бакунина. Я в свою очередь ответил на их претензии в следующем выпуске (*BMEF* 2013).

исследование морали материалистским анализом обществ. В качестве примера можно процитировать французского автора Шарля Раппопора, который в работе «Материализм Маркса и идеализм Канта», опубликованной в 1990 г., так комментировал марксистскую моральную теорию:

«Если быть точным, в марксизме вообще нет такой теории. Маркс пытался, конечно, объяснить моральные идеи, но он ничего не говорил об их внутренней ценности (...) Точно так же он нигде не анализирует моральное поведение индивидов. Его исторический анализ морали тоже хромает. Согласно Марксу, не существует универсально применимой морали. У каждого класса — а они рассматриваются сугубо с экономической точки зрения — своя мораль, и у каждой эпохи, учитывая, что они тоже определяются экономически, — соответственно»².

Хотя это может быть правдой для среднего марксиста розлива Второго Интернационала, на которого сильно повлиял позитивизм в его спенсерианском варианте и который думает, что Маркс для социальных наук — это то же самое, что Дарвин для естественных, этого нельзя сказать о самом Марксе. Он в куда большей степени открыт для новой проблематики, что показывает его оживленная дискуссия об особенностях развития России с Верой Засулич и народниками. И потом, именно в России разразилось дело, поставившее вопрос о морали, особенно революционной морали, в весьма острой форме. Это был скандальный петербургский процесс 1872 г. над Сергеем Нечаевым, последователем лидера анархистов Михаила Бакунина, процесс, который Маркс и Энгельс пристально отслеживали и комментировали. Что любопытно, за тем же процессом наблюдал со своей стороны знаменитый русский писатель Федор Достоевский, чья книга «Бесы», вышедшая в 1872 г., написана на основе событий, вошедших в материалы того нашумевшего дела. Т. о., нам предоставляется уникальная возможность для сравнения позиции Маркса и Энгельса по русским революционерам, и вопросам морали в целом, с позицией Достоевского. Маркс и Энгельс, насколько мне известно, никогда не читали и не комментировали Достоевского, но несмотря на это, связь между ними все же есть: для всех троих Бакунин был проблемой.

* * *

Достоевский приступил к своему знаменитому роману еще в конце 1860-х. Он был одним из слушателей на Первом Конгрессе Лиги Мира и Свободы, открывшемся в Женеве 9 сентября 1867 г. Русскому писателю больше всего хотелось увидеть (и услышать) героя итальянской революции Гарибальди, о чем Достоевский сообщает в письме своему другу А. Майкову³. Гарибальди был одной из главных «приглашенных звезд» той конференции. Однако другой такой «звездой» был Бакунин, и весьма вероятно, что Достоевский видел и слышал и выступление Бакунина тоже. Русский историк литературы Л. Гроссман описал эту гипотетическую, хотя и очень возможную, встречу три четверти века спустя в почти лирическом тоне.

«На второй день конгресса, под овацию толпы, поднялся на сцену почетный воин международной революции, ветеран Дрезденского восстания, узник Саксонии, Австрии и Российской Империи, дважды приговоренный к смерти и спасшийся бегством через три части

² Цит. по Hans Jürg Sandkühler, Rafael de la Vega (Hg.), *Marxismus und Ethik. Texte zum neukantianischen Sozialismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp 1970, p. 12.

³ Письмо А. Майкову от 15.09.1867. Цит. по Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. 1885. Т. 1. — С. 179–180.

света, гигант с львиной гривой, ставший уже легендой, анархист Михаил Александрович Бакунин. Он начал с решительного протеста против существования Российской, Австро-Венгерской и всех остальных империй, попирающих человеческие права и свободы. Он требовал уничтожения централизованных государств вообще... Бакунин был настоящим революционным трибуном, который мог одинаково блестяще выступать на нескольких языках... Шеститысячная толпа, наэлектризованная мощными ритмами его красноречия, в безмолвии внимала оратору. А в пестрой массе журналистов, пацифистов и зевак, затерянный в толпе и никем не опознанный, стоял русский писатель Федор Михайлович Достоевский. Происходившее во Дворце потрясло его: требования отменить христианскую веру, уничтожить государства, построить новый мир «огнем и мечом». Но больше всего поразил Достоевского оратор. Гигант, рушащий с трибуны все основания, на которых тысячи лет покоилась цивилизация. Потрясающий дар слова, ореол бунтарского героизма, небывалая храбрость, подвиги, эшафот, Сибирь, побег, разрушение... Все это слилось в одном человеке. Все это было страшным и притягательным. И тогда Достоевский задумал своего Ставрогина»⁴.

Гроссмановское изображение женевских событий, как признают его же коллеги, не более чем реконструкция, притом достаточно свободная⁵. Тем не менее основная идея ее проста и здрава, и в силу этого ее позже признали и другие исследователи. Суть ее сводится к тому, что персонажи «Бесов», этого ключевого философско-политического сочинения Достоевского, имеют вполне реальные, хотя и не полностью, конечно, совпадающие с ними прототипы, ролевые модели в русском революционном движении тех дней. Согласно Гроссману, если говорить о главных героях романа, то в Ставрогине обнаруживаются черты самого Бакунина, в то время как прообраз молодого Петра Верховенского — Сергей Нечаев. «Учителя» Ставрогина, Верховенского-старшего, Достоевский, соответственно, списал с выдающегося представителя поколения русских западников 1830–1840-х гг. Т. Н. Грановского. Что же касается Шатова и Кириллова, то они как бы представляют разные этапы развития бакунинского мировоззрения: Шатов, по мысли Гроссмана, это воплощение ранних революционных, хотя еще панславистских и утопических, мечтаний, а вот Кириллов — это уже поздняя форма бакунинской идеологии: Бога нет — значит, я Бог; эта идеология в романе доведена до трагического абсурда, что получает свое ужасное выражение в финальном эксперименте Кириллова по совершению философски мотивированного самоубийства⁶.

Хотя гроссмановская расшифровка «Бесов» и путается в деталях, большинство позднейших специалистов по русской литературе так же, как и он, единодушны в мнении, что персонажи романа действительно уподоблены реальным русским революционерам 1860-х гг., и даже наоборот. Например, известный американский «достоевсковед» Дж. Франк пишет, что «нет ни одного действия Верховенского, которое Нечаев не осуществил или не осуществил бы, будь у него такая возможность»⁷.

⁴ Л. П. Гроссман, В. П. Полонский. Спор о Бакунине и Достоевском. — Ленинград: Государственное издательство, 1926 г. 215 с. — С. 9.

⁵ Это заявлял уже сам В. Полонский. См. упомянутое выше издание, с. 41 (и далее), 123 (и далее).

⁶ Гроссман, там же, с. 23, 24.

⁷ Joseph Frank, *Dostoevsky — A Writer in His Time*, Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press 2010, p. 631. Что касается Ставрогина, то тут Франк отмечает, что на протяжении десятилетий не утихают дебаты, считать ли его образ вдохновленным Бакуниным или все же нет (там же, с. 645).

«Бесы» — социологический набросок анархизма

Нельзя не согласиться с Гроссманом в том, что, работая над «Бесами», Достоевский выступал не только как художник, но и в равной степени как историк (своей эпохи), философ и публицист; он опирался на факты, которые получал из ежедневной прессы, и его роман-памфлет о русской революции выстроен в эмпирической, документальной манере⁸. В этом аспекте Гроссман сравнивает Достоевского с Эмилем Золя, эмпирико-позитивистский метод которого хорошо известен: Золя создавал героев своих романов, фактически копируя их с реальных людей, которых можно было встретить на парижских улицах. Впрочем, отличие Достоевского от эмпириков вроде Золя очевидно: его персонажи воплощают собой скорее некие «идеи», а не калькируются с «живой жизни». Это всегда следует иметь в виду тем, кто ищет соответствия между героями романов Достоевского и реальными людьми. Однако это правда, что важным источником материала для «Бесов» послужили реальные события, приведшие к скандальному петербургскому процессу над Сергеем Нечаевым в 1872 г., когда роман вышел. Эти события и последовавший за ними процесс вызвали огромный интерес не только в России, но и во всем мире, и кажется, скомпрометировали бесповоротно репутацию бакунинцев. Суть их заключалась в том, что Нечаев, ближайший друг и сподвижник Бакунина, еще в 1869 г. убил одного из членов своей «революционной ячейки», поскольку тот как раз пытался выйти из нее, а затем утопил тело в пруду. Тело было найдено, и Нечаев сбежал за границу. Однако в 1872 г. в Цюрихе его арестовали и сдали русским властям.

До сих пор, насколько мне известно, реакция Достоевского, с одной стороны, и Маркса и Энгельса, с другой, на драму Бакунина–Нечаева не подвергалась анализу. Однако сравнить взгляды и того, и других на происходившее в России в конце 1860-х — начале 1870-х было бы интересно сразу по нескольким причинам. Достоевский, в соответствии со своим ортодоксальным христианским мировидением, хотел доказать, что если человек оставляет Бога и пытается на его место поставить себя, это не может привести ни к чему, кроме морального краха. Маркс и Энгельс со своей стороны использовали факты, приведшие к процессу над Нечаевым, для того, чтобы скомпрометировать политически Бакунина и его сторонников, поскольку те, с их точки зрения, пытались использовать Интернационал в своих целях. «Прочтение» и ими, и Достоевским дела Нечаева–Бакунина было однозначно тенденциозным, но их общей целью было показать, что бакунизм — это «не вариант». Достоевский демонстрирует, что революционный нигилизм ведет к моральной катастрофе, Маркс и Энгельс — что бакунинский анархизм не способен составить никакой реальной альтернативы рабочему движению.

Одна из причин, почему марксистская традиция никогда не принимала анализ революционного нигилизма у Достоевского — это, разумеется, слава последнего как «реакционного писателя». Советские времена отмечены явной тенденцией пренебрегать политическими взглядами Достоевского, не оспаривая при этом его статуса писателя мирового уровня, что приводило к определенным проблемам с его интерпретацией, которых невозможно было избежать, пока советское литературоведение оставалось в жесткой идеологической узде. Вот, к примеру, что пишет о нем (и еще достаточно благожелательно, учитывая идеологическую ситуацию) знаменитая «Философская энциклопедия» 1962 г. Фиксируя определенные противоречия в мировоззрении писателя — а именно, между элементами реализма в его творчестве и «проповедью того, что люди должны объединиться под властью Царя и православия», — автор статьи о Достоевском А. Белкин постепенно добирается и до «Бесов».

⁸ Гроссман, там же, с. 214.

Согласно ему, Достоевский видел в революционном движении своего времени лишь бунт отчаянных одиночек, попирающих законы морали, лишь выражение материализма, социализма и атеизма, против которых он вел неустанную полемику; он абсолютизировал грубые формы революционных проявлений 1870-х, имевших анархические черты («бакунинщина» и «нечаевщина»), и отождествлял с ними идеи революции как таковой⁹.

Но даже в те советские, предельно идеологизированные времена случалось и иначе оценивать Достоевского с позиций марксизма. Это делает Дьердь Лукач в своем эссе о Достоевском (1943 г.). У Лукача здесь на первом месте уникальная историческая возможность для молодой культуры ввести в мировую литературу новый тип человека со всей его проблематикой, как бы перехватывая новаторское первенство у сложившихся цивилизационных проектов — вот что определяет творчество Достоевского, и было бы большой ошибкой думать о нем как о чем-то специфически и только русском:

«В отсталой стране, еще даже не столкнувшейся с трудностями и конфликтами современной развитой цивилизации, «неожиданно» появляются произведения, которые несут в себе всю проблематику человеческой культуры, от высочайших высот до глубочайших глубин, и обрушивают на сознание полный набор вопросов, касающихся духа, морали и состояния мира в ту эпоху — детально, подробно и в манере, которой не было до того и которая не будет превзойдена в дальнейшем»¹⁰.

Если Лукач прав, не значит ли это, что Достоевский, глядя с русской периферии на европейское революционное движение, заметил-таки нечто весьма существенное? Ставя вопрос таким образом, мы вовсе не обязательно принимаем религиозные и политические взгляды Достоевского, как бы ни утверждала обратное советская идеология. Напротив. Лукач тоже считал многие — или даже большую часть ответов, данных Достоевским, — ложными, если не прямо реакционными; однако намного важнее, с его точки зрения, было то, что Достоевский «ставил правильные вопросы». Художник имеет лишь одну обязанность в мире — ставить правильные вопросы; ему необязательно отвечать на них¹¹.

Основная проблема: нигилизм

Мишенью для Достоевского выступала мораль — или аморальность — нигилистически настроенных революционеров. Еще до Ницше они провозгласили, что «Бог мертв», и далее основывали все свои действия на своеобразном утилитаризме, нашедшем лучшее выражение в нечаевском «Катехизисе революционера», и конкретно в тезисе «революционная цель оправдывает средства». Это аспект и впрямь заметно сближает реальных исторических деятелей с персонажами романа.

Когда содержание нечаевского катехизиса стало широко известно, Бакунин попытался дистанцироваться от человека, который до этого был его близким другом и соратником, и начал изображать из себя этакого самоуверенного старца, которого обманул и подставил его

⁹ Цит. по А. Belkin, the entry «Dostoevskij» in: *Filosofskaja enciklopedija*, t. 2, Moskva: Iz-vo «Sovetskaja enciklopedija», 1962, pp. 57–58.

¹⁰ Цит. по Georg Lukács, *Der russische Realismus in der Weltliteratur*, Berlin: Aufbau-Verlag 1952, p. 133.

¹¹ Здесь Лукач фактически цитирует А. П. Чехова, который в письме А. Суворину отмечал: «В «Анне Карениной» и в «Онегине» не решен ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно. Суд обязан ставить правильно вопросы, а решают пусть присяжные, каждый на свой вкус».

амбициозный, жаждущий большего ученик. Эта поза в точности воспроизведена Достоевским в образе Степана Трофимовича Верховенского, укоряющего своего сына Петра за то, что тот неверно понял и извратил возвышенные идеалы отца, но и не думающего при этом задаться вопросом о степени собственной моральной ответственности за нигилистический характер тех идей. В очень похожей манере высмеивает позу Бакунина, изображающего из себя «доброе, легковверного старика», и Маркс — в одном из писем за 1870 г. он прямо указывает, что Нечаев истинный «духовный сын» Бакунина, и что поступки Нечаева не что иное, как конкретное воплощение в жизнь истинного смысла идей Бакунина¹².

Психологический портрет революционера-нигилиста (либо непосредственно Бакунина, либо кого-то ему подобного) обобщенно дан в письме-исповеди Ставрогина к Дарье Павловне, которое та смогла прочесть лишь после его смерти.

«Я пробовал везде мою силу... На пробах для себя и для показу, как и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась беспредельною. Но к чему приложить эту силу — вот чего никогда не видел, не вижу и теперь... Я всё так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие. Но и то и другое чувство, по-прежнему, всегда слишком мелко... Мои желания слишком несильны; руководить не могут... Может быть, вы мечтаете дать мне столько любви и излить на меня столько прекрасного из прекрасной души вашей, что надеетесь тем самым поставить предо мной наконец и цель? Нет, лучше вам быть осторожнее: любовь моя будет так же мелка, как и я сам, а вы несчастны. Ваш брат говорил мне, что тот, кто теряет связи с своею землёй, тот теряет и богов своих, то есть все свои цели. Обо всём можно спорить бесконечно, но из меня вылилось одно отрицание, без всякого великодушия и безо всякой силы. Даже отрицания не вылилось. Всё всегда мелко и вяло»¹³.

Из приведенного отрывка ясно: для Достоевского главная проблема Ставрогина/Бакунина (и им подобных) — в нигилизме. Итальянский исследователь Серджио Дживоне констатирует, что Достоевского более всего смущал не тоталитарный характер социалистических утопий (как полагали многие, видевшие в реализации социалистических идей прямую дорогу к тоталитаризму), а именно нигилизм¹⁴. С этим можно лишь согласиться. Плюс этот отрывок показывает, из чего, согласно Достоевскому, нигилизм в основе своей берется, на какой почве произрастает. Это в первую очередь результат потери контакта со своей родной страной («кто теряет связи с своею землёй, тот теряет и богов своих»). Соответственно, Достоевский предполагал, что политическим решением проблемы нигилизма будет «почвенничество» (термин, означающий некую привязанность к земле, аналогию ему трудно подыскать в английском языке). Почвенничество как проект отвечает на социальные противоречия предложением вернуться к «народу», к простому и неиспорченному образу жизни крестьянских масс, мало затронутых процессами модернизации. Реакционный утопизм подобного решения очевиден, и Лукач прав, когда говорит, что Достоевский дает неверные ответы — однако, невзирая на это, ставит верные вопросы. Одним из таких вопросов и был вопрос о нигилизме — без сомнения, проблематичный даже для Интернационала, движения, одним из девизов которого было «Начнем все с чистого листа».

¹² Письмо Маркса Энгельсу от 5 июля 1870 г. Цит. по Marx — Engels, *Werke*, vol. 32, p. 521.

¹³ Достоевский Ф. М. Бесы. Часть 3, глава 8.

¹⁴ Цит. по Sergio Givone, *Dostoevskij e la filosofia*, Roma/Bari: Laterza 2006, S. 129–130: «...ed è il nichilismo che Dostoevskij si propone soprattutto di confutare, se non altro perché il totalitarismo si confuta da sé».

Бакунин как проблема для Маркса и Энгельса

На первый взгляд кажется, что Маркс и Энгельс оценивают Бакунина и вдохновенную его идеями «нечаевщину» совершенно иначе, нежели Достоевский, и, отвергая его, не движимы моральными соображениями. Их позиция по данной проблеме лучше всего представлена, помимо переписки, в политических памфлетах, и в особенности в брошюрах-циркулях, таких как «Мнимые расколы в Интернационале» (Женева, 1872) и «Заговор против Интернационала» (Брауншвейг, 1874). Согласно этим текстам, основная вина Бакунина в том, что он дезориентирует и раскалывает рабочее движение, прибегая к сомнительной тактике создания секретных обществ и ассоциаций. Особенное неприятие, вплоть до неприкрытых издевательств, вызвало у Маркса и Энгельса бакунинское требование немедленного упразднения государства. В 1870 г. Франция была объявлена республикой, революционный подъем охватил Лион, вплоть до захвата мэрии. Вот как откликнулся на это Маркс.

«Вспыхнуло революционное движение в Лионе. 28 сентября, в день его приезда, народ завладел городской ратушей. Бакунин водворился в ней; и вот наступил критический момент, которого ждали столько лет, момент, когда Бакунин получил возможность совершить самый революционный акт, какой когда-либо видел мир, — он декретировал *Отмену Государства*. Но государство в образе двух рот буржуазных национальных гвардейцев вошло в дверь, перед которой забыли поставить охрану, очистило зал и заставило Бакунина поспешно ретироваться в Женеву»¹⁵.

Когда Маркс и Энгельс критикуют Бакунина, их главная цель при этом — защита Интернационала, потому концентрируются они в первую очередь на вопросах организации рабочего движения. Адвокаты Бакунина позднее охарактеризуют их критику как проявление «авторитарности». В «Заговоре против Интернационала», суммируя аргументы, выработанные за много лет борьбы, с целью нанести Бакунину окончательный удар, Маркс и Энгельс не жалеют для Бакунина и затеянного им хаоса «мягких» выражений.

«Перед нами общество, под маской самого крайнего анархизма направляющее свои удары не против существующих правительств, а против тех революционеров, которые не приемлют его догм и руководства. Основанное меньшинством некоего буржуазного конгресса, оно втирается в ряды международной организации рабочего класса и пытается сначала захватить руководство ею, а когда этот план не удастся, стремится ее дезорганизовать. Это общество нагло подменяет своей сектантской программой и своими ограниченными идеями широкую программу и великие стремления нашего Товарищества: оно организует внутри открыто существующих секций Интернационала свои маленькие тайные секции, которые повинуются единым директивам и которым поэтому путем заранее согласованных действий нередко удается забрать секции Интернационала в свои руки; в своих газетах оно открыто обрушивается на всех, кто отказывается подчиняться его воле; и, по его собственным словам, разжигает открытую войну в наших рядах. Для достижения своих целей это общество не отступает ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все это свойственно ему в равной мере. Наконец, в России это общество полностью подменяет собой Интернационал и, прикрываясь его именем,

¹⁵ Цит. по Karl Marx, Friedrich Engels, *Ein Komplott gegen die IAA*, MEW vol. 18, p. 352.

совершает уголовные преступления, мошенничества, убийство, ответственность за которые правительственная и буржуазная пресса возлагает на наше Товарищество»¹⁶.

Очень даже резко! «Мошенничества» и «убийство», упоминаемые здесь, бесспорно, относятся к делу Нечаева, которому в памфлете посвящена отдельная глава. Как и Достоевский в «Бесах», Маркс и Энгельс склонны признать Бакунина хоть и не напрямую, но все же ответственным за совершенное Нечаевым — да и всю информацию по делу Нечаева они получили от Германа Лопатина, русского народника, убежавшего на Запад. В июле 1870 г. Маркс пишет Энгельсу про Лопатина и сухо констатирует, что русские власти преследуют Нечаева не как революционера, а как простого убийцу¹⁷.

Так же важно и то, что, анализируя Бакунина, Маркс и Энгельс склоняются к мысли о социальной и политической незрелости анархизма, каким он предстает в фигуре русского революционера.

«Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения. Это имеет свое оправдание в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. Отдельные мыслители, подвергая критике социальные противоречия, предлагают фантастические решения этих противоречий, а массе рабочих остается только принимать, пропагандировать и осуществлять их. Пролетариат в массе своей всегда остается безразличным или даже враждебным их пропаганде. Рабочие Парижа и Лиона не хотели знать сен-симонистов, фурьеристов, икарыйцев, так же как английские чартисты и тред-юнионисты не признавали оуэнистов. Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, превращаются в препятствие, как только это движение перерастет их; тогда они становятся реакционными. В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Прежде чем стало возможным основание Интернационала, пролетариат должен был оставить этот этап позади»¹⁸.

Бесспорно, Маркс и Энгельс рассматривали бакунизм как «детскую болезнь» рабочего движения (в похожей манере Ленин четверть века спустя писал про «детскую болезнь левизны» в коммунизме), признавая, однако, что она может причинить вред более развитым европейским движениям.

Что же с моральной оценкой?

Итак, мы имеем здесь интересный феномен, требующий объяснения: несмотря на очень жесткий, а местами откровенно обличительный тон, Маркс и Энгельс не пытаются оценивать Бакунина с моральной точки зрения, а судят лишь о его политическом влиянии и организаторских амбициях. Мне кажется, у этого «этического безмолвия» есть по меньшей мере два мотива.

Во-первых, еще с начала 1840-х Маркс и Энгельс сражались с мелкобуржуазными тенденциями в зарождающемся пролетарском движении. Одним из проявлений таких «филистерских» мелкобуржуазных тенденций были, как они считали, иллюзорные морально-ориентированные концепции, вроде «честного заработка» у Прудона или идеи, что возможно

¹⁶ Цит. по Karl Marx, Friedrich Engels, *Ein Komplott gegen die IAA*, MEW vol. 18, pp. 333–334.

¹⁷ Письмо Маркса Энгельсу от 5 июля 1870 г. Цит. по MEW vol. 32, p. 520.

¹⁸ Цит. по Karl Marx, Friedrich Engels, *Ein Komplott gegen die IAA*, MEW vol. 18, p. 358; здесь цитируется более ранний циркуляр с Генеральной Ассамблеи Интернационала (cf. MEW vol. 18, pp. 32–34).

построить на земле «империю праведности» одним лишь усилием доброй воли. Атакуя подобные иллюзии, Маркс и Энгельс не уставали напоминать, что вместо того, чтобы морализировать на тему грехов капитализма, социалисты должны лучше знакомиться с фактами. Материалистическая концепция истории рассматривала морально-этические вопросы как нечто второстепенное — а если более грубо, то «сначала насыщение, потом мораль». В письме Бернштейну Энгельс подчеркивает, что ему и Марксу всегда был враждебен мелкобуржуазный филистерский менталитет, представляющий при этом, с его точки зрения, большую проблему, особенно в Германии, где его корни уходят в разрушительные последствия Тридцатилетней войны¹⁹. В этом свете делается понятно, почему Марксу и Энгельсу было нелегко применить против Бакунина моральную аргументацию. И по этой же причине они не стали углубляться в проблематику нигилизма, который, несомненно, был заключен в русском анархизме: возделывание этого поля (образно говоря) они оставили Достоевскому, который сделал свои достаточно свободные выводы из всего, что происходило, особенно из дела Нечаева.

Со вторым мотивом еще проще: Маркс и Энгельс, по видимости, придерживались убеждения, что бакунизм, на тот момент вещь сильно раздражающая, наподобие экземы, в долгосрочной перспективе просто пройдет, окажется не более чем одной из переходных форм. Он что-то вроде детской болезни или заблуждения того толка, что неизбежно отмечают ранние этапы развития чего-то нового, как алхимия, предшествующая химии. Другими словами, окончательное становление социализма как учения, или даже науки, сделает бакунинский нигилизм чем-то несостоятельным и устаревшим.

Разрабатывая тему «научного социализма», Энгельс пришел к идее научной морали, которая, в материалистской интерпретации, должна отражать реальные факты социальной жизни, а не проповедовать «вечные истины». В «Анти-Дюринге» об этом говорится следующим образом:

«Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона, под тем предлогом, что и мир морали тоже имеет свои непреходящие принципы, стоящие выше истории и национальных различий. Напротив, мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счёте продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью»²⁰.

Ясно, что придерживающимся таких позиций Марксу и Энгельсу проще было справиться с проблемой Бакунина и в целом нигилизма, переведя ее на уровень организационных вопросов и социальной теории исключительно. Но и в их чисто политических построениях можно найти некоторые пункты для дальнейшего обсуждения нигилизма — например, пересечения с проблематикой негативности (положенной Достоевским в основу «завета» Ставрогина), особенно учитывая, что Маркс еще в «Парижских сочинениях» 1844 г. тщательнейшим образом разбирал гегелевское понятие негативности. Да и в других работах Маркса высказывается не так уж и мало соображений по этому поводу — вспоминается полемика со Штирнером и его «индивидуалистическим анархизмом» в 1840-х, не говоря уже о весьма беллетристическом уподоблении последователей Бакунина такому «мелодраматическому характеру», как Карл Моор (персонаж драмы Шиллера «Разбойники»),

¹⁹ Переписка Ф. Энгельса с Э. Бернштейном, 28.02/01.03.1883.

²⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг (1877), гл. 9 (Мораль и Законы. Вечные истины).

что сближает, неожиданно и интересно, подход Маркса с попытками Достоевского выразить некий идеологический феномен средствами художественной литературы²¹.

Противоречия в работах Маркса и Энгельса

Тем не менее картина оказывается местами куда более сложной. И в «Мнимых расколах», и в «Заговоре против Интернационала» встречаются пассажи, явно выбивающиеся из холодного, отстраненного, «научного» тона с примесью позитивистского безразличия к вопросам морали в политике. Так, например, в 1872 г. Маркс и Энгельс пишут испанскому отделению Интернационала следующее:

«Интернационал требует от своих последователей, чтобы они признавали в качестве своих руководящих правил такие идеи, как *истина, справедливость и мораль*»²².

В другом фрагменте они характеризуют мораль бакунинского «Альянса» как нечто, «позаимствованное у святого Лойолы»²³, а еще в одном — здесь уже адресуясь напрямую к Нечаеву — обо «этих всеразрушающих анархистах» говорится, что они «устраивают анархию в морали», поскольку «чудовищно преувеличивают непристойность буржуазии»²⁴. Кажется, будто эти спорадические и не систематизированные отсылки к общим принципам наподобие «истины, справедливости и морали», подразумевающие, что ценность их сохранится и для рабочего движения, поскольку то должно превосходить этически «непристойную буржуазию», противоречат традиционному нежеланию Маркса и Энгельса выносить моральные суждения. Откуда же они берутся, если мораль всегда привязана к эпохе и к классовым основаниям? Похожее противоречие можно обнаружить и вышедшем в 1877 г. «Анти-Дюринге» Энгельса. Сразу после пассажа, уже мною цитированного, где Энгельс как раз рассуждает об

²¹ См. Karl Marx, Friedrich Engels, *Ein Komplott gegen die IAA*, MEW Bd. 18, p. 404. Это комментарий к одному пассажиру из Бакунина, где тот отстаивает идею, что разбой — одна из самых уважаемых в России форм народной жизни. Согласно Бакунину, разбойник — это как бы Робин Гуд, защитник бедных, а кроме того, один из самых решительных противников государства. С. С. Проуэр так комментирует этот пассаж: «Полемика с Бакуниным интересна тем, что заставляет Маркса заняться чуть ли не прямой литературной критикой, что большая редкость в его трудах; критикуя Бакунина, Маркс рассуждает о «мелодраматической» натуре Карла Моора, героя «Разбойников». Маркс, правда, и до того не раз выражал свое неприятие тех форм, которые принимало восхищение Шиллером — школьников-подростков, одурманенных пафосом «Разбойников», Кинкеля, строящего жизнь по образу и подобию шиллеровской, Руге, предпочитавшего Шиллера Шекспиру по причине того, что у Шиллера есть определенная философия и даже система взглядов, Лассаля, использующего драматические персонажи как мегафоны для озвучивания своих идей — той же концепции «духа времени», *Zetgeist*'а (S. S. Prawer, *Karl Marx and World Literature*, London/New York: Verso 2011, p. 360). В том же тексте Маркс и Энгельс прибегают и к другим литературным аллюзиям, сравнивая Нечаева с Рудольфом фон Герольштейном (героем романа Эжена Сю «Парижские тайны»), Монте-Кристо, Карлом Моором и Робером Макером (MEW vol. 18, p. 431). Неудивительно, что все предпринятое Бакуниным и К напоминало Марксу и Энгельсу разновидность «шиллеризма», распространенного в среде немецких мелкобуржуазных интеллектуалов. С другой стороны, все это прекрасно соответствовало их восприятию бакунизма как обывательской и недоразвитой формы социализма.

²² Цит. по Karl Marx, Friedrich Engels, *Ein Komplott gegen die IAA*, MEW vol. 18, p. 372. Курсив в оригинале.

²³ *ibid.*, p. 407.

²⁴ *ibid.*, p. 426.

историчности и относительности всякой морали, он вдруг совершает кажущийся непоследовательным скачок:

«Не подлежит сомнению, что при этом в морали, как и во всех других отраслях человеческого познания, в общем и целом наблюдается прогресс. Но из рамок классовой морали мы ещё не вышли. Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике».

Т. о., несмотря на все, что было сказано ранее, получается, будто общая мораль, мораль для всех людей, действительно существует, но словно прячется, скрывается в глубинах истории, только еще ожидая времени своего выхода на свет!

В поисках баланса

Итак, анализируя ту борьбу, которую Маркс и Энгельс вели с бакунинским вариантом анархизма, мы видим, что некий весьма важный аспект бакунинской позиции — а именно, проблема морального нигилизма и его воздействия не только на рабочее движение, но и на общество в целом — как будто ускользает от их взгляда. Все указывает на то, что они рассматривали нигилизм и связанные с ним элементы, такие как терроризм, лишь в качестве переходных форм и преходящих исторических феноменов, которые просто исчезнут, когда рабочее движение окончательно примет и усвоит научный взгляд на мир. В свете нашего собственного сегодняшнего опыта это, увы, неоправданный оптимизм. Нигилизм и терроризм — константы современного мира, а никакие не «детские болезни». Наша задача, соответственно, заключается в осознании и тематизации проблемы, а не в уповании на ее спонтанное рассасывание. В этом плане, как это ни прискорбно, следует признать более актуальным для нас сегодня анализ проблематики нигилизма у Достоевского — пусть даже актуальность его сводится лишь к постановке вопроса, а не к его решению. Предложенный Достоевским выход — признать зло как антропологическую константу и отвернуться от современного мира — столь же спорен, сколь и бакунинская идея фикс взорвать и уничтожить его.

Литература

- Belkin A. The entry «Dostoevskij» in: *Filosofskaja enciklopedija*, t. 2, Moskva: Iz-vo «Sovetskaja enciklopedija», 1962.
- Frank J. *Dostoevsky — A Writer in His Time*, Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press 2010.
- Givone S. *Dostoevskij e la filosofia*, Roma/Bari: Laterza 2006.
- Lukács G. *Der russische Realismus in der Weltliteratur*, Berlin: Aufbau-Verlag 1952.
- Marx — Engels, *Werke*, vol. 32.
- Marx K., Engels F., *Ein Komplott gegen die IAA*, MEW vol. 18.
- Sandkühler Hans Jürg, de la Vega Rafael (Hg.), *Marxismus und Ethik. Texte zum neukantianischen Sozialismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp 1970.
- Гроссман Л. П., Полонский В. П. Спор о Бакунине и Достоевском. — Ленинград: Государственное издательство, 1926 г. 215 с.
- Достоевский Ф. М. Бесы. Собрание сочинений в 15 томах. Том 7. Л.: Наука, 1990.
- Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. 1885. Т. 1.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Изд-во «Э», 2017.

References

- Belkin A. Razdel «Dostoevskij» in: *Filosofskaja enciklopedija*, t. 2, Moscow: Sovetskaja enciklopedija Publ., 1962. (In Russian)
- Grossman L.P., Polonskii V.P. Spor o Bakunine i Dostoevskom [A Bakunin-Dostoevsky Argument]. Leningrad, Gosudarstvennoe izd-vo Publ., 1926 г. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. Besy [The Devils]. In: *Sobranie sochinenii* [Works] in 15 vol. Vol. 7. Leningrad: Nauka Publ., 1990. (In Russian)
- Dostoevsky F. M. *Sobranie sochinenii* [Works] Vol. 1. 1885. (In Russian)
- Engels F. Anti-During [Anti-Dühring]. Moscow: "E" Publ., 2017. (In Russian)
- Frank J. *Dostoevsky — A Writer in His Time*, Princeton and Oxford: Princeton Univ. Press 2010.
- Givone S. *Dostoevskij e la filosofia*, Roma/Bari: Laterza 2006.
- Lukács G. *Der russische Realismus in der Weltliteratur*, Berlin: Aufbau-Verlag 1952.
- Marx — Engels, *Werke*, vol. 32.
- Marx K., Engels F., *Ein Komplott gegen die IAA*, MEW vol. 18.
- Sandkühler Hans Jürg, de la Vega Rafael (Hg.), *Marxismus und Ethik. Texte zum neukantianischen Sozialismus*, Frankfurt am Main: Suhrkamp 1970.

Revolutionary morality and Russian experience: Marx, Bakunin, Dostoevsky

Oittinen Vesa, Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland, vesa.oittinen@helsinki.fi

Abstract. In this paper, I would assess the problems of moral theory in the light of Marx's and Engels's "Russian experiences". As such, a more serious and deep-going involvement with Russian matters belongs to the period in Marx's life, which the post-1990 research on Marx and marxism has thematised as the "late Marx", that is, the research which Marx did after the publishing of the first volume of *Capital*. An important role in the interests of the "late Marx" was played by Russia. He began to learn the Russian language and had progressed by 1870 so long that he was able to read Russian literature in the original. Actually, Russia was a touchstone of much what Marx had previously asserted, and his correspondence with Vera Zasulich shows that he was open to new problematics concerning the development of capitalism outside the core area of Western Europe and North America.

Keywords: Marx, Engels, Bakunin, Nečaev, morals, revolution, terrorism, nihilism.